

ИСТОРИИ

Мы сейчас — как Польша в 1939 году
Как украинские мужчины возвращаются
в свою страну на войну с Россией.
Репортаж спецкора «Новой газеты»
Елены Костюченко

13:08, 30 марта 2022 · Источник: Meduza

Фото: Kuba Stezycki / Reuters / Scanpix / LETA. Граница Украины и Польши. 26 февраля 2022 года

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Корреспондент «Новой газеты» Елена Костюченко находится в Украине с самого начала российского вторжения. Из-за введения в России военной цензуры ее репортажи выходили в «Новой» с сокращениями, затем некоторые из них были удалены редакцией из-за угрозы уголовного преследования. 28 марта «Новая газета» получила от Роскомнадзора второе письменное предупреждение за упоминание НКО — «иностранного агента» без маркировки — и решила приостановить работу до окончания «специальной операции на территории Украины». Редакция «Медузы» выражает солидарность с журналистами издания.

Мы уверены, что в нынешних условиях репортажи Елены Костюченко о войне должны быть доступны для россиян. С любезного разрешения «Новой газеты», ее главного редактора, нобелевского лауреата Дмитрия Муратова и автора мы публикуем их в полном виде.

Этот текст был опубликован в «Новой газете» 27 февраля. 5 марта редакция удалила его из-за вступления в силу законов о «фейках»

и «дискредитации» российской армии. Другие репортажи Елены Костюченко можно прочитать на «Медузе» [здесь](#) (текст из Одессы), [здесь](#) (из Николаева) и [здесь](#) (из Херсона).

Варшава, Польша

24 февраля, 22:40

По автовокзалу Заходня ходят растерянные люди с сумками. Приходит один местный автобус и уходит. Остальные идут в Украину.

Женя провожает подругу и пытается не заплакать. Его брат уехал в Украину несколько дней назад, к родителям. Началась война. Объявлена всеобщая мобилизация, мужчины от 18 до 60 не могут покинуть Украину. Женя говорит хрипло:

— Я на акции голос сорвал, визжал как полоумный. Я никогда не прощу. Мою маму! Никогда не прощу, если с ней!.. Отец, сердце у него, и сейчас. Не хотят уезжать, наотрез отказываются. Папа говорит: пусть выдадут автомат кусок огорода защищать. Собаке 13 лет. Собаку, которую ты с детства знал, надо усыплять, иначе родители не уедут. Это как? «Пусть нас русские здесь убивают, если им хочется». Брат звонит: мы едем. В Польшу? Нет, просто едем от взрывов.

Люди ждут автобус до Львова, который все не приходит.

Ивану 19 лет, он учится в Брюсселе. Его специальность — публичная история и контрпропаганда. Узнав о войне, он сел за компьютер и разработал маршрут домой. Пересек четыре страны поездами и автобусами. «Мама отговаривала ехать, но как не ехать?» Понимает ли он, что вернуться в Европу до конца войны не сможет? «Мне все равно». Звонит маме.

— Ну что, мама, еду до дому.

— Твои ключи у мене, я в сумку убрала, — говорит мама.

В автобусе до Львова — почти одни мужчины. Один смеется в трубку: «Тикаю⁽¹⁾, чи шо? Наоборот — еду».

Все бесконечно листают инстаграм, ставят лайки. Акция протеста в Москве — лайк. Фото подбитой техники — лайк. Видео из реанимации грудничков, перенесенной в подвал.

— В Каховке [Херсонской области] уже русский флаг висит, — произносит один.

Польско-украинская граница

Елена Костюченко / «Новая газета»

Пшемысль, Польша

25 февраля, 20:00

Беженцев собирают на железнодорожной станции. Это один из девяти приграничных пунктов приема беженцев. Своды станции, под ними — люди, ярко-оранжевые раскладушки. Горы воды и булок с повидлом, украиноговорящие волонтеры. Бесплатные трансферы в города Польши.

С началом войны Польша открыла границу с Украиной. Сейчас через нее можно перейти без визы и загранпаспорта — требуется лишь украинское удостоверение личности, для детей — свидетельство о рождении.

Мария — ей 65 лет — на границе стояла 20 часов, с 9 вечера до 3 часов дня, «не пила, не ела, в туалет не ходила».

— Это мне повезло, что так мало стояла. А перешла — напоили чаем, дали 300 злотых⁽²⁾. Я верну потом, я не нищая. Польша нас так приняла! Я люблю Украину, но Польшу я люблю тоже. Не могу нарадоваться, как нас обслуживают поляки, как нас любят, приветствуют.

Больно сказать, а надо было давно готовиться к войне. Путин давно говорил, что Украина — не страна, а мы не народ. Просто никто не мог поверить, я не верила. И когда первая сирена выла — я не верила. Нельзя давать злу возродиться, но что делать, если оно уже, если оно встало на крыло?

Польский волонтер Сымон из соседней деревни приехал, потому что есть машина — хочет отвозить людей в соседние города. Говорит: «У нас молодые люди очень возмущены, что Польша не вводит войска на помощь Украине. Украина сейчас в том же положении, в котором

была Польша во время оккупации в 1939-м. Мы видим очень много параллелей, бездействие просто невыносимо».

Украинские беженцы в Пшемисле. 26 февраля 2022 года

Aleksander Kalka / ZUMA Press Wire / Scanpix / LETA

Погранпункт Медыка-Щегини, Польша — Украина

25 февраля 23:00

На польской стороне есть вода и еда, на украинской стороне границы нет ничего.

Я вижу их через решетку. Очередь не выглядит как очередь — в накопителе перед украинской границей плотная толпа, свыше тысячи человек, исключительно женщины и дети. Толпа продолжается и за накопителем. Люди стоят на земле, на растоптанной до пыли прошлогодней траве, многие завернуты в одеяла. Дети, даже самые маленькие, стоят рядом со взрослыми. Младенцев держат на руках. Я вижу женщину, которая укладывает кулек с ребенком на сумку. Другая сидит на обочине очереди, скрючившись, спрятав ребенка между коленями и животом.

В ногах стоят чемоданы, клетки с домашними животными, приметы мирной жизни.

Это люди, которые пересекают границу пешком. Есть еще автомобильная очередь — машины стоят в два ряда, растянувшиеся на 30 километров вглубь страны. Отдельно — и кажется, быстрее — пропускают автобусы. В автобусы попасть невозможно.

Украинский пограничник подсаживает в автобус, уже пересекший границу, гражданку России — ее не пустили в Украину. Людей с российскими и с белорусскими паспортами в страну не пропускают.

— Нет места, — говорит водитель.

— Сейчас я пристрасстно автобус проверю, — говорит пограничник. — Будь человеком, ты. По-человечески

говорю — посади жинку до Варшавы.

— Ты мне приказываешь?

— Приказываю. Ты человек, и она человек.

Я перехожу границу пешком с женщиной, несущей ящик с апельсинами — ей выдали их поляки, «для украинских детей». Молодая пограничница с автоматом показывает нам проход в лабиринте автобусов.

Оказывается, что эта тысяча женщин и детей — не вся толпа. Основное скопление людей — за блокпостом украинских пограничников, расположенным в полутора километрах от границы. Чтобы не создавать хаоса. Там же мужчины покидают женщин, чтобы вернуться обратно в Украину.

Мы с Мишей и Славиком пешком идем от польской границы в сторону Львова. Миша с Закарпатья, Слава с Тернополя. Мише 38, Славе 39. Они только познакомились, оба только что отправили жен с сыновьями через границу и теперь «совсем спокойные». От Мостиськи — ближайшего городка — до границы они, их жены и дети шли пешком. Это 18 километров. Теперь 18 километров надо пройти назад, до Мостиськи. Оттуда можно попытаться доехать до Львова, а уже из Львова — добраться домой и ждать повесток на войну.

Ребята по очереди тащат мою сумку с бронежилетом.

Про войну разговаривать не хотят. Миша рассказывает про курорт Теплые Воды, на котором работает. Горячие термальные источники бьют из земли, можно отдохнуть, и шашлычная есть. Славик говорит, как он возит аттракционы по Северной Европе и катает детей — работа мечты.

— Мы очень хорошо жили, — говорит Слава. — Правда, так хорошо, что даже так и не бывает.

— Зато коронавирус все теперь забыли, — говорит Миша.
— Всем все равно на коронавирус.

Мы идем километр за километром вдоль очереди намертво стоящих машин.

Из темноты нам навстречу идут люди, люди, люди. Чемоданчики на колесах громяхают по асфальту. На поводках ведут собак — нежные кокер-спаниели с длинными ушами, маленькие лисичкообразные японские псы, декоративные породы из прошлой, мирной жизни. Псы играют друг с другом и кажутся довольными прогулкой.

По пути нам встречаются три автозаправки. В каждой по прежнему работает по две девушки-сменщицы. Девушки опасаются не справиться с толпой, и очередь ждет снаружи. На улице минус шесть. Внутрь пускают

погреться только детей. Чтобы купить воду или стакан кофе, надо отстоять не менее двух часов.

Люди стоят в тишине, сил разговаривать ни у кого нет. Женщина записывает голосовое в телефон: «Они нас не убьют, а будут мучить и насиловать. В полон брать».

Рядом стеклянная палатка страхования Insurance universalna поит детей чаем — женщина-работница выходит, собирает детей и заводит их внутрь.

Мы идем всю ночь. Машины не кончаются, люди, идущие нам навстречу, не кончаются.

Навстречу идут темнокожие девушки из Бангладеш — студентки Киевского медицинского университета, — тащат чемодан, обвязанный платком: ручка сломалась. За ними идет Бату из Конго — инженер, тоже учился здесь, но уже выпустился, привез друга — Украину посмотреть. «Посольство говорит, что надо ждать самолета из Киева. Но мы решили, что пешком надежней».

Черный джип пытается по встрече вдоль очереди. Наперерез из ряда машин выскакивает мужик, светит фонариком. На передних сиденьях — мужчина и юная девушка, они жмурятся от света. К джипу подбегает женщина: «Что вы делаете? Как вам не стыдно! Тут женщины, дети, мы сутки стоим». «Разворачивай,

тварь!» — кричит мужик. Но полиции тут нет, и джип рыкает, прыгает вперед, едет дальше.

Мостиська

Елена Костюченко / «Новая газета»

Мостиська, Украина

26 февраля 7:00

В Мостиську мы входим под сирену гражданской обороны. Мостиська пахнет свежим хлебом.

— Оле, оле, оле, оле! Украина — вперед! — пьяный парень танцует на разделительной полосе. Рядом

волонтеры в желтых жилетах регулируют движение, пьяного игнорируют.

Автостанция закрыта. Перед ней — толпа женщин с детьми и грудничками — ждут возможного автобуса в сторону границы.

Женщина-дворник, метущая тротуар рядом, вдруг начинает кричать:

— Да пусть нас москали уже захватят! Что это за власть, которая не может автобусы организовать! 15 километров провезти женщин и детей не могут!

Воздушная тревога продолжает звучать. Никто не обращает внимания.

Львов, Украина

26 февраля 12:00

Подростки смотрят в телефоне видео: Украина призывает Красный Крест вывезти тела россиян. Девчонка лет 15 говорит: «Ну уж нет, не надо. Пусть нашу землю удобряют, удобряют хорошо».

Во Львове закрыты кафе, маникюрные салоны, магазины с одеждой. Открыты продуктовые. На въездах в город начали организовывать блокпосты. В городе объявлен комендантский час с 22 до 6 утра. Паники нет.

В доме малютки организовали перевалочный пункт для беженцев, другой — в школе № 50. Гуманитарную помощь для беженцев собирают по школам. Львовяне пускают беженцев на квартиры, в некоторых живет до 30 человек, отели сдают койко-места вместо комнат. Сегодня ожидают прибытия трех поездов из Киева. Говорят, на эти поезда пускают без билетов, «цель — вывести всех, кого можно».

Мэр Львова Андрей Садовый сообщил в твиттере: «В районе Бродов в 9 утра на 3 вертолетах высадился российский десант. Около 60 человек. Наши войска дали отпор. Сейчас они отступают в сторону леса в район Левятина». СБУ опровергло это заявление, но львовяне верят мэру.

Броды — это 90 километров от Львова.

Львовяне говорят:

— Высадка в Бродах обреченная. Я россиян не понимаю. Они кидают солдат в незавоеванную страну, они все гибнут. Они на что рассчитывают? Они жертвуют солдатами, чтоб нас напугать? Это командиры-преступники.

— Я во Львове родилась, тут выросла. Говорила и говорю на русском. Слова к себе плохого не слышала. Сын учился в русской школе, их тут шесть. Я очень хотела, чтобы он прочитал Достоевского, Чехова. Но я его

забрала оттуда — с тех пор, как там начали отмечать день Русской весны. Достоевского сам прочитает, если захочет.

— Когда наших львовских в 2014-м отправляли на Донбасс. Я все думала — молодые тела. Какой же это ужас. И сейчас я думаю и про наших, и про русских — молодые тела, и их сейчас изрубят. Я только про это и думаю.

С сегодняшнего дня по распоряжению открыты все подвалы. Старший по дому Анатолий оборудовал лавочки, поставил воду и стаканчики.

— Лавочки плохие, из ящиков. У меня на балконе были хорошие, а я их выкинул, идиот. Ремонт делал в квартире, полгода, день в день. Окопы, что ли, мне надо было рыть? А какие окопы, когда они бьют с воздуха? ПВО нам надо было поднимать.

На рынке принимают доллары по 30 гривен⁽³⁾, продают по 37.

За этот день воздушная тревога во Львове звучит пять раз. Люди бегут к подвалам. Взрывов не слышно.

«Если бы можно было это прекратить, я бы жизнь свою отдала» Война в Украине привела к миграционной катастрофе, какой Европа не видела с 1940-х. Репортаж Кристины Сафоновой из Польши (полный боли и любви)

Елена Костюченко, Варшава — Пшемисль — Шегини
— Мостиська — Львов

(1) Тикать

В переводе с украинского — «бежать, спастись бегством».

[Вернуться к тексту.](#)

(2) Сколько это?

Примерно 72 доллара.

[Вернуться к тексту.](#)

(3) Сколько это?

30 гривен — около 87 рублей. 37 — около 107.

[Вернуться к тексту.](#)